

В обожении человек призван уподобиться Богу, у него есть некоторое знание о Боге, но Бог не имманентен человеку, а действует в нем при помощи благодати.

1. *Франк С. Л.* Реальность и человек. АСТ издательство. М.: 2003.
2. *Франк С. Л.* Непостижимое. Изд-во «Правда». М.: 1990.
3. *Лосский Вл.* По образу и подобию. АСТ издательство. М.: 2006.
4. Архимандрит Киприан Керн. Антропология св. Григория Паламы. Паломник. М.: 1996.

М. Н. Дудина
Екатеринбург

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПЕДАГОГИКЕ И АНДРАГОГИКЕ

Экзистенциальные вопросы рано или поздно встают перед каждым рефлексирующим человеком, они связаны с попыткой найти смысл собственного существования, мотивации поступков на основе тех или иных представлений о ценности жизни и неизбежности смерти. Философия экзистенциализма как «единственная теория, придающая человеку достоинство, ... которая не делает из него объект» (Ж.-П. Сартр), особенно привлекательна для педагогики и андрагогики своей обращенностью к человеку, «заброшенному однажды в мир» (М. Хайдеггер) и постоянно пребывающему с самых ранних лет в проблематичных, экстремальных, порой абсурдных ситуациях.

Теперь уже мало кто сомневается в том, что по мере продвижения человечества к XX веку, абсурда не убавилось, однако многие ли связывают его с самим человеком, его существованием. В этом проблемном поле возникает предчувствие и возможность осознания порядка и хаоса. Если принять в качестве высшей ценности Бога (христианский экзистенциализм), то человек постоянно соотносит себя с ним, это придает смысл существованию; в этом оптимизм и надежда на спасение. Если же «Бога нет», то в чем найти смысл собственного существования? Кругом хаос и человек обречен, отсюда пессимизм по поводу возможностей человека обеспечить коммуникацию с другими и обрести взаимопонимание. Оставим в стороне большое заблуждение, что взрослые, в их числе и студенты, уже воспитанные люди. Все более очевиден феномен «образование без воспитания», и это одна из ярких повседневных иллюстраций абсурдности современной жизни и образования. Школа и вуз, как и все современное общество, находятся в широком диапазоне воспитательных проблем и задач: от невысокого уровня качества образования, отставшего от жизненных реалий, до нарочито эпатажного внешнего вида старшеклассников и студентов, женщин и мужчин, особенно студенток (хорошо знающих и неплохо понимающих разнообразную символику собственного тела, мужского и женского, но часто провоцирующих своей непристойной одеждой). Многим образованным свойственна низкая речевая культура, изобилующая сленгом, табуированной лексикой, нецензурными выражениями,

поведенческими манерами, в том числе в деловой атмосфере, в учебной аудитории, далекими от этики человеческого достоинства в стенах вуза и за его пределами. Перед этим реалиями оказалась бессильной профессиональная педагогическая компетентность, традиционно прибегающая к авторитарным способам воздействия, запретительным призывам, угрозам, а не воспитания в свободе и ответственности на основе «нравственного закона внутри меня», в этике человеческого достоинства (можно добавить, женского и мужского). Чего только стоят весьма распространенные объявления: «на крыльце университета не курить, не распивать спиртные напитки, в том числе и пиво». Список ограничений, разумеется, может быть значительно расширен, но все, что запрещается, студенты продолжают делать, бросая окурки и опорожненные бутылки здесь же.

Многие авторы видели противоречивость, двойственность человека и отразили это в ярких, незабываемых художественных образах, стремились отыскать пути преодоления трагического начала в человеке и порожденных им его страданий, мучений, страхов, ужасов, неодолимой воли к власти и жестокости. «Как падшее существо, детерминированное стихийными силами, он казался движущимся исключительно экономическими интересами, подсознательными сексуальными влечениями», но «мучающееся этой падшестью», он личность. И именно «сознание личности в человеке говорит о его высшей природе и высшем призвании, — писал Бердяев. Если бы человек не был личностью, хотя бы невыявленной или задавленной, хотя бы пораженной болезнью, хотя бы существующей лишь в потенции или возможности, то он был бы подобен другим вещам мира и в нем не было бы ничего необычного. Но личность в человеке свидетельствует о том, что мир не самодостаточен, что он может быть преодолен и превзойден (1, с. 12).

Приоритет экзистенции, если и рефлексируется педагогикой и андрагогикой, то совсем недавно, потому что традиционной системе воспитания, базирующейся на позитивизме, «до личности нет дела», она искала и находила средства насилия над личностью, подавления, манипулирования ею с самых ранних лет. Но к чести человека, он не переставал искать способы осуществить себя, уйти от давления среды, семьи, школы, наконец, государства. Поэтому как «величайшая, может быть, загадка» в мире, человек «есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность... с единственным лицом человека, с единственной его судьбой» (Там же. с. 11). Все же сделав поворот к человеку, будь то ребенок или взрослый, современная педагогика, с ней и андрагогика, стали внимательнее присматриваться к личностным, возрастным и гендерным проблемам человека любого возраста (включая, так называемый «третий возраст»). И тогда оказались перед лицом проблем экзистенциально-антропологического характера. Среди них: каково соотношение мира и человека как существа природного и социального и каковы истоки и движущие силы развития личности, двойственного и противоречивого существа в «высшей степени поляризованного, богоподобного и звероподобного, высокого и низкого, свободного и рабьего, способного к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» (Там же. с. 12).

В европейской традиции человек рассматривается в единстве таких составляющих, как тело, душа и дух. Важнейшей особенностью человека, и это важно для педагогики, андрагогики, антропологии, также валеологии, является биологическая природа человека, не наследующего готовых психических и социальных форм, в числе которых стыд, совесть, плач, смех, мышление и речь. Что касается души, «психе», то как экзистенциальное начало, именно она индивидуализирует человека через его свободу, волю, творчество, жизнь, любовь, смерть. Дух же несет в себе сущностную идею человечности человека, обладающего разумом для того, чтобы осуществить себя нравственно лично и социально. Для педагогики и андрагогики особенно важно, что «духовность» является интегративным свойством, развиваемым на основе постижения природы и социума, освоения культуры, когда индивидуальное личное вбирает социально значимое и преломляет через собственное «Я», развитое самосознание, рефлексии. Все эти составляющие взаимосвязаны и наполняют содержанием задачи воспитания человека с самого момента его рождения, точнее, зачатия. И не так просто дифференцировать телесный, душевный и духовный уровни, к тому же они не раскрывают всей полноты сущности и существования человека. В экзистенциальном смысле, существование несводимо к сущности, и тогда перед педагогикой и андрагогикой встают вопросы их различения в теории и практике. Здесь открывается горизонт подлинности человеческого существования в свободе и ответственности экзистенциального выбора. Здесь ценность представляет психологический мир личности, ее субъективные побуждения, страсти, эмоции, страхи, тревога, переживания.

Человек, имея сходство с животным по своей биологической природе, (у него есть тело, соматическая организация, которая по своему потенциалу значительно уступает многим биологическим видам), оторван от природы, поэтому стал «большим животным с ослабленными инстинктами» (Ф. Ницше). Но он — другое биологическое существо, единственное и неповторимое в Космосе — «символическое животное» (Эрнст Кассирер), существо, творящее мир, он не детерминирован в своих реакциях, действиях, он их вырабатывает, обладая потенциальной способностью владеть, управлять своими потребностями, осуществлять выбор. Человек способен объективировать себя в своем самосознании, и обладая духом, преодолевать самого себя, «выходить за пределы себя». Отсутствие «специализации», устойчивости, предсказуемости делает человека «открытой возможностью», когда «недостатки» могут стать достоинствами при условии обучения и воспитания, в которых он становится личностью. Когнитивная и эмоциональная сферы, развиваясь в обучении и воспитании, позволяют объективироваться, смотреть на себя со стороны, значит критически оценивать себя, «переживать» себя. У человека есть язык, позволяющий жить «по-человечески», не только настоящим моментом, но иметь прошлое, настоящее и будущее, передавая свой творческий опыт молодым поколениям.

Значит, такой многоликий, многообразный, непредсказуемый человек является причиной самого себя, его каузальность (лат. *causa sui* — причина) непреложна. Этот тезис для педагогики и андрагогики должен быть основополагающим. Но многие считают, что человек жестко детерминирован, он жертва обстоя-

тельств, его собственная роль в становлении себя ничтожна. На уровне обыденного сознания большинство людей склонны объяснять себя и свою судьбу, «свой крест» жизненными обстоятельствами, отводя себе при этом самую малую роль в «делании себя». Так растет слабый человек, «недоделанная» личность (Ф. М. Достоевский), которая растворяется в собственной телесной стихии, и приходит к разрушению Я, осколкам Я, его фрагментам. Вместе с трагическим осознанием «конечности» своего индивидуального существования и продуктивным размышлением о своей незавершенности человек, рефлексировав, все же верит и надеется.

Не путая объективно-предметное в человеке с ним самим, его экзистенцией, открывающейся, однако, в коммуникации, для педагогики и андрагогики методологически и инструментально важно, что он не просто незавершен, недоделан, не достроен, он все время делает самого себя, достраивает, при этом способен осознавать свои решения, выборы, предпочтения, объяснять их и понимать себя такого, а не другого. И это его задача на всю жизнь. Тогда встанут вопросы: Как в личности человека разных возрастов бытийствует телесная и душевная сущность? Как реализуется возможность стать самим собой через развитие интеллекта и чувств, мыслей и переживаний, потребностей и мотивов, деятельности и коммуникативности. Интеллектуальное, эмоционально-чувственное и аффективно-оценочное отношение к миру и к себе проявляет сущность во всех разнообразных отношениях каждого человека и человечества в целом на протяжении истории. Человек мыслит и чувствует, думает и переживает, в том числе думает о своем думании и переживает свои переживания. Он любит и ненавидит, радуется и негодует, гневается и восторгается, тоскует, печалится, смеется, завидует, стыдится и бесстыдится, злобствует, обвиняет и кается, прощает и просит прощения, благодарит и благоговеет. И вся эта богатая эмоциональная палитра доступна ему только тогда, когда в нем развиты чувства, когда у него нарастает собственный опыт подобных переживаний. Только в этом случае появляется возможность сопереживать, сопечалиться, сородоваться. Заметим, что аффективные переживания человека протекают не без участия его воли; душевные состояния «сваливаются» на него (М. Хайдеггер), и если человеку тяжело от этих переживаний, то он легко их «сваливает» на что-то внешнее, независящее от него.

Так экзистенциальная драма сливается с моральной, нравственной, этической. Экзистенция как подлинное, собственное существование человека в разных возрастах, обусловленное его собственной индивидуальностью, открывает проблемное поле педагогического и андрагогического исследования «человека как свободы» (К. Ясперс). Только в свободе человек может постичь себя, выходящего за пределы себя, трансцендирующего. В «пограничной ситуации» он озаряется, «высветляется», имеет возможность «высказаться», стать «услышанным». Значит, есть *мир*, есть *экзистенция* и есть *трансценденция* (по Ясперсу), отсюда и три уровня постижения человека. И образование призвано помочь человеку познать себя настолько, чтобы переживание чувств им осознавалось, и он мог бы ими владеть, управлять, регулировать усилиями собственного самоконтроля, саморегуляции, чтобы они не разрушали его, с одной стороны, и учили предвидеть возможные последствия собственных отношений и деятельности. Значит, надо учиться предвидеть, предсказывать, просчитывать свое будущее, профилактиро-

вать саморазрушение. Особенно это важно в современных условиях воспитания в богатой материальной и духовной гамме жизни: *в свободе* (которая предполагает ответственность), в *плюрализме* (который предъявляет требования к умению ответственно выбирать и который не диктует «как надо», а ориентирует на собственную выработку нравственных ориентиров), *переосмысления ценностей жизни* (когда разные ценности относительны и сталкиваются не только в окружающем человека пространстве, но внутри его собственного экзистенциального пространства. Это требует умения определяться в иерархии ценностей, среди которых сам человек, его личность. Только такая педагогика и андрагогика личных имен, человеческого достоинства, обязательно предполагающая и гендерный аспект конкретной девочки или мальчика, подростка, девушки, юноши, женщины и мужчины как человека своего возраста и пола — является истинной и продуктивной. И тогда — экзистенциализм — это гуманизм, и экзистенциальный анализ направлен не на абстрактного человека, а на конкретного, неповторимого индивида, который должен и может научиться осознавать свою жизненную ситуацию и понимать ее место в своей судьбе и судьбе окружающих. Однако главными являются отношения с его бытием, и только задавая вопросы о нем, экзистируя, человек становится человеком.

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии / Царство духа и царство Кесаря. Сост. и послесловие П. В. Алексеева. М. Республика, 1995.

2. Дудина М. Н., Загорюля Т. Б. Андрагогика и педагогика: проблемы преемственности и взаимосвязи. Екатеринбург, 2008.

3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.

А. В. Емельянов

Ижевск

ЦЕННОСТЬ УДОВОЛЬСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ОПЫТА СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Переживание удовольствия — одно из центральных в человеческом бытии. Не случайно образ человека в современном мире интерпретируется в значительной мере через это понятие: крупнейшая доктрина в философии и психологии XX века — психоанализ — была построена вокруг интерпретации феномена удовольствия, а понятие «желания», достаточно близко сопряжённое с гедонистическими переживаниями, явилось одним из центральных концептов постмодернистской и экзистенциальной философии (Сартр, Лакан, Кристева, Барт и др.). Справедливо было бы связать опыт удовольствия с желанием человека жить и быть; человеком движет жажда бытия, жажда открытия и осуществления, но интенция бытия оказывается невозможной без переживания удовольствия, последнее выступает своего рода наградой за стремление воплотиться. Радость и боль, по словам Г. Га-